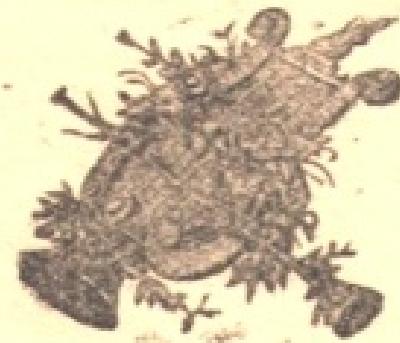

К. Д. БАЛЬМОНТ

СЕМЬ ПОЭМ

бз
К. Д. БАЛЬМОНТ

СЕМЬ ПОЭМ

Д

МОСКВА — 1920.

Д

КЕСИЛ ДЖЭР.

Р. В. Ц.—Москва.
Отпечатано 5.000 экз.

ПОЭМЫ

МОСКВА—1920.

ТИПОГРАФИЯ КОМПЕР. Т-ДА ПЕЧАТЬ И ИЗДАТ. ДЛЯ РАДУГА.
Болховская, Красногвардейская, 2.

6010г.
Дж

ОКОНЦЕ.

Я смотрю на волю снова
Из оконца слюдяного.
Непророчная среда.
Все же небо сверху звездно,
Сияет ночью многогроздно,
И Вечерняя звезда
Мне является богатой,
Увеличенно-косматой
Словно все кругом—вода,
Я,—водою тесно скатый,
Вверх смотрю со дна пруда.

Нет, конечно, я не рыба,
Не уютно жить в пруду.
Но пока весь мир в бреду.
Здесь я с грезой речь веду.
Снег и лед. За глыбой глыба.

От излома, от изгиба,
В сердце ждущее мое
Светом входит острие.
Пляска ломких алых граней
Держит мысль в цветном тумане.
Греза—жизнь. Вступи в нее.
Радость—быть в своих основах,
Каплей в бешенстве зыбей,
В далах дись доледниковых,
Позабытых, вечно-новых,
Смену красок, все скорей,
Видеть в зорях янтарей.

В том свершающемся чуде,
Где лишь после будут люди,
Я смотрю на бег слонов.
Я любуюсь, с mastodontом,
Безпреградным горизонтом,
В реве близких облаков.

В довоенной я Сибири,
Где и ветер, в белой шире,
Устает порой летать.
Упадет, и над безпутным,
Взрывным, вспевным, поминутным,
Чуть смущая тиши и гладь,
Буря спит, ворчунья-мать.

Ветер—с ветром. Вон их стая,
У червонного Алтая,
Зацепились за скалу,
И в пещерах тешат мглу.

Снег растаял. Орхидеи,
Раскрывая смкость чаш.
Воздух пьют. И мыслят змеи:—
„Полночь—наша. Полдень—наш“.
Мамонт шествует мохнатый,
Пышношерстый носорог.
И громовые раскаты,
На скрещеньи их дорог,
В бубен бьют и трубят в рог.

Месяц с Солнцем заглянули
В глубь разверстую горы.
Камень к небу вспрянул в гул:—
Час вулкана. Час игры.
Час, что любят все миры.

Золотая крепнет жила,
Соляцзерни. Цветет. Пора.
И Луна посторожила,
Чтоб содружно шла игра
Бледных блестоксеребра.
Хоть травинки запредельной
В глубь укрылась, в изумруд.
И среди скалистых груд

Огнецвет, как зов свирельный,
Брызнул сказкой там и тут:—
Жуть изменения влыл в опалы,
Тени всех часов—в агат.
И поджег желанья, алый,
Влил в рубин, вшепнул в гранат:—
В страсть вошел,—нельзя назад.
Кто полюбит, тот безбрежен,
Он ведом лучем звезды,
Хоть сидит он, тих и нежен,
У оконца из слюды.

ЗЕРКАЛО.

1.

Ясные люди в свой раний ликующий час
В мир устремляли захват дальнемечущих глаз.
Зеркалом им, чтоб смотреться, была лишь вода,
Биты, охота, погоня, любовь и беда.
В верном ударе себя узнавали в другом.
Песни пропели начальную — послушавшись в гром.
Перья сороки втыкали в полетность волос.
Знали ударность зачатых и грянувших гроз.
Знали, что в сердце есть кровь и звериный размах.
В барсовой шкуре замкнули и смелость, и страх.
Долгий предполдень стал полднем, а полдень узлом.
Молнии были. И день наклонился в излом.
Синие сумерки свяли тайну тоски.
Ставшие близкими стали глядеться в зрачки.
Раний люди узнали и вечер, и ночь.
Новый был день, хоть такой, не такой же точь в точь.
Каждый, узнав, что от каждого ткется двойник,
Быть захотел в отрешенном, впивая свой лик.

Зыбкие воды неверны, дрожит бирюза.
Тверже металла, чтоб глазами вливаться в глаза.
Гладкая бронза—оконце мгновенных теней.
Двойственность—бездна, и сердце купается в ней.
Дрогнули дали, в объеме умнышился мир. ■■■
Зеркало мучит. Двойник — или первый — вампир?
Хочется разуму четкой упиться игрой.
Призрак металла явил чаровнический слой.
Вот серебро от Луны, вот текучая ртуть.
Ясный хрусталь одевается в глуби и жуть.
Вечно-ли в мир истекать, растекаться в степи?
Строит пчела. Человек, свой полет закрепи.
Комната с комнатой в комнате, комнаты вряд.
Балки распятые. Длинные свечи горят.
Стены, подвалы, и стены, и двери, и дом.
Зимние ночи, и сказкою кажется гром.
Долгие, тесные, темные ночи и дни.
Кажется сердцу, так было всегда, искони.
Только душе колдовская возможность одна:—
Жуткий колодец, в котором живет глубина.
Льдяный ответный затон с отражениями свеч,
Зеркало к сердцу стремит безглагольную речь.
В полночь покажет Луну и калитку, и сад.
Радость свиданья. Иди, без оглядки, назад.
Видишь, как кто-то склонился к тебе через плечо.
Слышишь, как кто-то целует тебя горячо.

2.

Я тоскую. Тоскую.
Он один. Я одна.
Можно-ль душу родину?
Нам измерить до дна?

Я скучаю. Скучаю.
Он уходит в простор.
Как ребенка качаю
Я лишь взором свой взор.

Я немею. Немею.
Он один. Я одна.
Меж душою мою
И его — глубина.

Я тоскую. Тоскую.
Кто-бы ни был, приди.
Только-б грудь мне другую
Знать на этой груди.

Веселый бал.
Полночный час.
Блажен кто знал
Узывиость глаз.

Немой рассказ,
Моря без дна.
Кто водит нас?
В любви — Луна.

В безумства сна
Уходит дух.
Где с ним она,
Там мир потух.

Я мыслю вслух.
Соблазн плынет.
Поет петух.
Измена — вот.

Смотри, смотри, как два кольца огромны
Вокруг льдяной, зимней мертвенної Луны.
Мы никогда вдвоем не вероломны,
Когда вдвоем мы сердцем видим сны.

С высот небес доходит книзу в прорубь
Прямой, белесоватый, тонкий луч.
Ах, если бел в своем полете голубь,
Красив и ястреб, жарок и могуч.

Не выпал снег, но лед скрепился плотный.
Гладь зеркала сковала бег реки.
Расцветы роз есть в крови безответной,
Красиво счастье в раме из тоски.

5.

Зеркала завесами закрыты.
Фимиам синеет в свете свеч.
Скоро будут гвозди вплоть забиты,
Но нельзя любовь предостеречь.

Звук псалмов, и в пряной сказке ладан.
Белизна положенных цветов.
Разве был когда-нибудь разгадан
Весь объем любви и двух-трех слов?

Поцелуй в сопровождении слова,
Может быть, без слов, лишь в свете глаз.
Может быть, глаза искали крова
Век закрытых, в тот единий час.

Двойственная пропасть вдруг одною
Глубью затопилась без границ.
Зеркало с колдующей Луною
Сияет в безднах крыльям вольных птиц.

ВСТРЕЧА.

1.

Тебя я встретил ребенком малым.
И мы узнали тогда друг друга.
И был закатом я запоздалым,
А ты весением расцветом Юга.

Белели брызги на Океане.
И я, прошедший по всем пустыням,
Любил цветочек—любовь в тумане,
Воздушный стебель с расцветом синим.

Душой, уставшей от придорожий,
Прильнул я нежно к душе ребенка.
И ты была мне невестой Божьей,
А птицы свадьбу пропели звонко.

✓ 26565 - ~~100~~
2010г.

мы поем ✓

Потом невестою чужою,
И улетающей душою,
Тебя я увидал в саду.
Межъ нас прошли с годами мысли,
И тени дымные повисли,
Весь мир опять любил в бреду.

Любимой быть так нежно-мило,
И ты любила и дразнила,
В венке из синих васильков.
И ты его не разлюбляла,
Но и в меня воинила жало,
И мне струила мед оков.

И было так в душе медвяно,
Что в тех сердцах алела рана.
И отошла ты от него.
Ко мне приблизилась украдкой,
И был я счастлив сказкой сладкой.
Но не испил я торжество.

Безупречно красивы высокие свечи,
Хорошо, что с свечой загорелась свеча,
И от сердца до сердца свирелятся речи,
В двух гореных молитва веков горяча.

Но когда загорелись два яркие света,
Возле них — возбраниенье для третьей спечи.
Это к смерти призыв, это злая примета,
Вмиг в запретном узоре скрестятся лучи.

Первозданно красивы две польные птицы,
Два крыла, два крыла, их четыре крыла,
Чтобы строки возникли бессмертной страницы,
Чтобы в духах светло озвездились исся мгла.

Но в блужданиях правду успел рассмотреть я,
Чтобы видеть, в глубокий родник заглянув:
В двух любовь, что в мгновенье вливает столетья,
В третьем — миг ястребиной и когти, и клюв.

Я был третним, зажегшиесь, и свет разжигая.
Но пришло и ко мне роковое число,
Ты ушла от меня, и в чужом дорожая,
Ибо ветер свое к нам придвинул крыло.

4.

От белых лилий над водою
Огонь, к воде идет волна.
Но подвенечною фатою
Душа от всех отделена.

И от того, с кем было ясно
Внимать журчанию звонких струй.
И от того, кому напрасно
Ты подарила поцелуй.

И от того, кому веленье
Непроницаемой судьбы
Решило дать тебе томленье,
За день царицы — жизнь рабы.

И от себя самой, с мечтою,
Со смехом светлым, как весна,
Ты подвенечною фатою
Была навек отделена.

5.

Но ты еще покров наденешь белый
В свой день, когда над мглой прохладных плит
Душою глянешь в новые пределы,
Внимая вспевам синих панихид.

В свой день, в свой час покров неповторимый
Надену я, и буду там, где ты,
В последний раз в опью земные дымы,
Вступая в глуби новой высоты,

И там, где все невесты, нет, не жены,
Предлюбящий, любой, всегда женых,
Мы будем слушать свадебные звоны.
Всю правду дней преображая в стих.

Как дружных птиц играющая стая,
Как пышный луг невянущих цветов,
Как споц лучей, где с цветом цвет сплетая,
Мост Радуги неистощимо нов.

НЕВЕСТА

1.

Я смотрел на белую невесту,
Бледная под белым покрывалом,
Призраком она казалась дальним,
Белою березкой в поле снежном.
Из безвестных областей виденье,
На земле, а будто неземная,
Волосы—расплавленное Солнце,
Взор глубокий—небо голубое.
Тело было белою душою,
Но внутри алев в нем тайный пламень,
Как поет и бьется алый пламень,
Если срубят белую березку.

2.

Я смотрел и видел сад весенний,
Расцвела белеющая яблонь,
Заснежило вишенье, а пчелы
В звонком солнце были золотые.
Я смотрел и видел лес весенний,
Ужь давно отцвел подснежник белый,
Чашечки раскрыл пахучий ландыш,
В каждой малой чашечке забвенье.
Мотылек качнулся перелетный,
За одним другой дрожал^и третий,
Белый, желтый, синий, и темнее,
Также красный, и краснее крови.

3.

Бабочки летали белым вихрем,
Мотыльки, как с неба хлопья снега,
В белой туче быстрым перелетом
Пробегала дымка красных крыльев.
От воды кружился белый жернов,
В малых брызгах были вскины радуг,
Изливались зерна в жадный жолоб,
Становились тонкой белой пылью.
И одни пылинки улетали,
Таяли как тщетный снег весною,
И другие хлебом становились,
Ежедневным, знамым, тяжелым.

4.

Далеко от Севера до Юга
Белых лебедей летела стая,
Нежных цапель кружево белело,
Сонмы белых птишек безимянных.
И за каждой лебедью был сокол,
И за каждой цаплей темный коршун,
И за каждой пташкой трепетавшей
Кривоклювый цепколапый ястреб.
Далеко в пространствах остыавших,
До земли осенней огрубевшей,
Упадали хлопья белых перьев,
Между ними брызгали рубины.

5.

Без границ раскинутые степи
До волны несчитанного моря,
И белеют по степям зеленым
Молодые радостные козы.
Посмотреть на каждую—веселье,
Так им любо в этом белом мхе,
Наслаждаться сочною травою,
Под высоким Солнцем возле Моря.
Посмотри, бегут в безумном страхе,
И за каждой мчится серый призрак,
Пляшет зуб и лезвие хохочет,
Много алых лент для белорунных.

6.

Добежали козы до предела,
Где вода на сушу забегает,
Чтоб покинуть вольные просторы,
Источиться горькими слезами.
Задохнулись быстрые беглянки,
Прикоснулись к влаге синеватой,
Приняла их пляшущая влага,
Разметала исходу вдоль по морю.
Так и будет в море неизбывном,
Добегут, взбегут на гребень нала,
Высь их сломит, брызнет белой пеной,
Из бокала выплеснута влага.

З М Е И.

1.

Я верую во власть и в чару Змея.
Через него, на утре бытия.
Открылось мне, что яркий возглас „я!“
Есть меч благого, хоть и нож злодея.

В блаженстве откровенья холдея,
Я тронул ключ, и брызнула струя,
Вдруг жаркой льдяность сделалась моя,
Из точки вышла звездная затея.

Подвижна самозамкнутая Суть.
По капле от безмерного горнила
Отпала, ощущив что капля—сила.

Другая, возжелавши к ней прильнуть
За ней. Так руль возник, и с ним ветрило.
К бессмертному всегда чрев смелость путь.

7.

Ты белеешь, белая невеста.
Но еще не крайняя предельность,
Если море бьется и рокочет,
Украшая волны белой пеной.
Там, где безглагольный белый полюс,
Изо льда восходят к небу храмы,
И никто там кровь не проливает,
Но краснее красной крови—зори.
Будь белее, белая невеста.
Что тебе земные обниманья?
Белых роз тебе я приготовил,
Будь белей всего, что в мире бело.

2.

К безсмертному всегда чрез смелость путь.
Уверуй в сердце, сеть порви рассудка.
Всего желанней счастье первопутка.
За срывный край не бойся заглянуть.

В воде стоячей чуть мерцает муть.
Но видишь ствол? Его коснуться жутко.
Косись его. Не старая погудка,
А новый звук — срубив, его швырнуть.

Смелей прикосновенье острой стали,
Руби, бросая щепки прочь, топор.
Кто хочет знать неведомый простор,—

Тот на ладье впадет в безмерность дали.
Чтоб новым стать, низвергнись в водокрутъ,
Свой лик люби, и свой же лик забудь.

3.

Свой лик люби, и свой же лик забудь.
Лишь так горят бесчисленные зори.
У девушки все сердце в вечном спорѣ—
Любя замкнуться, любит отомкнуть.

Тюрьмой бывает собственная грудь.
О, суженый! На радость или горе,
Но в подвенечном дай предстать уборе.
Желанью молви творческое: „Буды!“

Униашь счастье в музыке слиянья,—
В расцветных красках вырвется напев,
И мрамор изсечется в изваянье.

А если горе тайный бросит се—
Печаль красивой может быть немая,
Из точных черт слагается камея.

1.

Из точных черт слагается камень.
Игрой неумолимого резца.
Средь мимолетных очерков лица
Узнай один, верховность разумея.

Чей путь прямой пойдет еще прямее,
Возжаждав быть рассветом без конца,
В свое вмещая сердце все сердца,
В глухой ночи пригоршни звезд имев.

Не участь сердца—радость или боль,
А участь сердца—вечное алканье,
Бежать за грань в мгновеньи достижанья.

Кто б ни был ты, но дух мой не неволь.
Хоти и смей—вот замок, вот аллея.
Неарячий червь пробил всю землю, смея.

5.

Незрячий червь пробил всю землю, смея
Искать путей и превращать свой лик.
Нет гор, куда бы жадный не проник,
Не стены—лед и снежная завеса.

В чем высшее искусство чародея?
Чтоб музыкою стал звериный крик,
Чтоб в водопад, кипя, возрос родник,
Чтоб червь летал, как бабочка и фея.

Играя, дух зовется—запятой,
И палочкой, и зыбится ресничкой.
Пойдет землей, пойдет огнем, водой.

Удавом глянет, извест пестрой птичкой.
Ломая страх, спешит во все взглянуть,
У первой птицы в крыльях билась жуть.

6.

У первой птицы в крыльях билась жуть,
Когда, начаток сложный и сугубый,
На крыльях—когти, в жадном клювѣ—зубы.
Звериность не могла с себя страхнуть.

Но в сонме дней меняя лик чуть-чуть,
Она преобразила призрак грубый:
И вот шепнули в мире чьи-то губы:—
Отрясши зверя, птицею пребудь:

Она ушла в полет, напев и краски,
Но много змейных тайн в себе тая.
И шея лебединая—змея.

И выпь—как кобра в грозный маг опаски
Люби живых, но только не забудь:—
Был змеем каждый дух когда-нибудь.

7.

Был змеем каждый дух когда-нибудь,
И в мире все, в уродстве и прикрасе,
Не явь-ли сна? Все лики—ипостаси
Единого. Рассыпанная ртуть.

Зменится травка к Солнцу. И вздохнуть
Не может лес не змейно в вешнем часе.
Олив змей—в играющем атласе.
Волна змей спешит переплеснуть.

Когда огонь любви чарует в теле,
В живой и мудрой храмине твоей,
Не Змей ли ворожит на том пределе,—

Где страстный Он желанен страстной Ей?
Гроза змей свой знак, межъ туч алея,
Зменина стеблем белая лиляя.

8.

Змеина стеблем белая лилея.
И женских глаз узычная игра
И линия спокойного бедра,
По-разному поют о том же млече.

Змей не вечно жалит. Будь смелее.
Хочу. Приду, я жду тебя. Пора.
В чешуйках рыбы много серебра.
И в ласке, с солнцем, дух проходит, рёя.

Что слаще двух, смешавшихся в одно?
Что есть нежней извивов белой груди?
От двух в любви идёт до звезд звено.

Чрез жёзл любви с богами равны люди.
Запретна страсть, коль в страсти гнет цепей.
Поняв запрёт, запретное разбей.

9.

Поняв запрет, запретное разбей:—
Звено с звеном, но лишь не звенья цепи.
Уста к устам, но в празднике, не в склепе.
Без примеси воды—вино испей.

Узнав свою будь полностью с своей.
Узнали в храме сон или в вертепе,
Будь так в любви, чтоб души были степи,
Где ветер мчится морем ковылей.

Но если кто, лёлся и лобзая,
Захочет дух в предельном полонить.
Беги любви, как ветер исчезая.

Не только цепь, скует мечту и нить.
Но, усомнись, проверь. Страшись обмана.
Не выходи на бой чрезмерно рано.

10.

Не выходи на бой чрезмерно рано,
Затеяв битву с близкою душой.
Загадочен простор луши чужой.
Еще не с ней—коснувшись губ и стана.

Быть может, это нежная лиана?
Не знаешь, нет? Мимоза? Ист? Левкой?
Удостоишься в грэзе не рукой,
Ни даже сердцем, если сердце пьяно.

Постой. Постой. Испив вино до дна,—
Не истолкуй бледнеющую алость
Как смерть любви. Сильна в цветах весна.

В свой час о всем спроси тихонько жалость.
Себя,— другого раня—не убей.
Любя змею, люби и голубей.

11.

Любя змею, люби и голубей.
Люби не только жадность прниканья,
А также мимолетное мельканье
Воздушных крыл средь облачных зыбей,

Кто лишь в одном, он всех слепых слепей.
В инистоющим токе убеганья,
Вдруг к солину обратись, и пей сверканье,
Как в миг рожденья пещий скарабей.

Люби-люби-люби светило жизни,
Кружись-кружись-кружись, следя полет.
Всех вольных птиц, всех пчел, несущих мед.

Но в смене стран восстанешь об отчине.
И знай, упившись плясками лучей:—
В одной из птиц есть путь от всех скорбей.

12.

В одной из птиц есть путь от всех скорбей,
От суеты, козней, замогилья,
И серых дней, и серого бессия,
И тени и блуждающих огней,

Крылатым в лете вдвое будешь с ней,
Когда свои она раскроет крылья.
Полями полетите изобилья,
И в высоте, откуда все видней.

Ты знаешь сам, какая это птица,
И как ее назвать, я не скажу.
Но с ней двойная в небе ты зарница.

И цвет с цветком, украсишь ты межу.
Крылом коснулась, вот все златоткано.
Взгляни на круг сапфирный океана.

13.

Взгляни на круг сапфирный океана.
Душа узнала душу. Вы цари.
Беги. Плыни. Люби. Лети. Гори.
Жар-птица ты, с тобой твоя Светлана.

Вершины гор белеют из тумана,
Двух зорь дневных немые алтари.
Свой фимиам, о, сердце, искури,
Колдуя к мысли змейками кальяна.

Ты помнишь ли времен седых рассказ,
О том, как змей, сомкнувшись полным кругом,
Свой хвост поставил ировень рта и глаз—

Облек Восток с Закатомъ, Север с Югомъ,
Из точки тучей сталь, Вселенной всей.
Чрез каплю воли ты всемирный Змей.

14.

Чрез каплю воли ты всемирный Змей.
Блеснув росою, ходишь в небе тучей.
Ты птицей вешишь с птицею летучей.
Ты колос межъ колосьями полей.

Любя весь мир, ты каждый миг светлей.
Былиной был, и вот ты лес дремучий.
К эфиру, в область солница, путь твой жгучий.
И вновь ты лист смолистыхъ тополей.

О, верую! И, веровать умея,
Всемъ возвестить хочу: Лишь захоти,—
Легко волшебный самоцветъ найти.

Во мне ли он? Найду-ль его в уме я?
Он тут. Он там. Он всюду на пути.
Я верую во власть и в чару Змея.

15.

Я верую во власть и в чару Змея.
К бессмертному всегда чрезъ смелость путь.
Свой лик люби, и свой же лик забудь.
Изъ точныхъ черт слагается камень.

Незрячий червь пробилъ всю землю, смея.
У первой птицы въ крыльяхъ билась жуть.
Былъ змесемъ каждый духъ когда-нибудь.
Зменина стеблемъ белая лилей.

Поняв запретъ, запретное разбей.
Не выходи на бой чрезмерно рано.
Любя змею, люби и голубей.

В одной изъ птиц есть путь отъ всехъ скорбей.
Взгляни изъ круга сапфировый океана.
Чрезъ каплю воли ты всемирный Змей.

ВОЗДУШНЫЙ ОСТРОВ

СЕМЬ СНОВИДЕНИЙ

1.

Я не мог учиться у веселья.
Кончен был мой внешний день веселый.
Отзвенели золотые пчелы.
Хмель отцвел, и серый цвет похмелья
Затянул сады, луга и долы.
Все ж и у тоски своя наука.
Обнимаясь, долгий час, с тоскою,
Как с сестрой печально дорогою,
Я узнал, что мудрая и мука.
Но склонилась вся душа к покою.
Я прилег на землю у беседки,
Где когда-то, в сладкий миг лобзанья,
Я шептал, что радостно касанье
Чуть расцветшей и росистой ветки.
Я заснул. Вот первое сказанье.

2.

Листок упал мне на лицо.
Я шевельнулся в сновиденьи.
И обручальное кольцо
Скатилось с пальца. В отдаленьи
Замкнулось наглоухо крыльцо.
И в звонах в похоронном пеньи
Мелькнула белая парча.
И тень того, чём, горяча,
Жизнь уязвила и светила.
Под звук пахучего кадила
Преобразилась, как свеча.
Раскрылась быстрая могила.
Не открывая спящих глаз,
Я так второй мой кончил сказ.

3.

Как долго сон мой длился третий,
Не знаю. Близко надо мной.
Склонился призрак, мне родной,
Не тот, не первый, но иной.
Мы были счастливы, как дети.
В очах фиалки расцвели
И грани дальние Земли,
Нас увлекали, уводили.
Смешались правда и обман,
В златисто-изумрудной пыли.
Гудел окружный Океан.
Но все виденья сильной были
Чужих столпившихся веков
Мой дух восторгом ослепили,
Не разрешив моих оков.
И я возрос, как Месяц в силе,
И волны сердце возвратили
К черте родимых берегов.

4.

Для чего звучишь ты, рог пастуший?
Или разбрелись твои стада?
Дымы дали, степи, глуби, глухи.
Бродит—ах, должна бродить—беда.

Для чего поешь ты, заунывный?
Душу манишь, мучаешь—зачем?
Я, как ты, был звонкий и призывный.
Но в немой пустыне стал я нем.

Не сдержать травинке ветра в поле,
Не удержит бурю малый цвет.
Мы в неволе видим сон о воле,
Но на воле в вольном воли нет.

Для чего ж ты плачешь, звон свирели?
Будем верить в то, что впереди.
Нужно спать. Все птицы песню спели.
Рог пастуший, сердце ис буди.

6.

Полночь может над бычникой
Колдовать, взростить ростки.
Полночь может паутинкой
Прикоснуться до щеки.

В глубине морей подводной
Много сказок, много див:
Там коралл, с кораллом сродный,
Тих и цепок, и красив.

Серебром мелькают рыбы,
Дремлют клады давних пор.
А коралл свои изгибы,
В сне о высги ткет в ковер.

Наростаньем многосложным
Четко льнет черта к черте,
Чтобы сон о невозможном
Стал неложным в высоте.

Чьи поют так нежно струны?
Дышит влажный изумруд.
Круговой размер лагуны
Внес подводность. Остров — тут.

5.

Четвертый сон таким невыразимым
Пронзил все сердце тонким лезвием,
Что пробудил. Закат струился дымом.
Горел пожар в сознании моем.

Мой сад был остров. Островом вовеки
Пребудет он. Весь мир кругом течет.
Луга поля преобразились в реки,
А реки в море. Ярче капель счет.

Обостровлен, один в безбрежном мире,
Я вижу, как окрестный темный лес,
Стал поясом из туч. Все гуще, шире.
Но в гром вступивший — много раз воскрес.

7.

В синеве безграничной, на ковре самолете,
Выше царств и людей,
Я лечу озаренный, весь в иночной позолоте.
Я во сне. Я ли сон? Сон — и чей?

Я плыву в неоглядном, я в сверкающем чолне.
Я стою у руля.
Кто доверится грому, тот воскреснет из молний.
Как мне светит родная, где-то снизу, земля.

В беспредельной надежде, что найду я добычу,
Что жива красота,
Слева Месяц зову я, справа Солнце я кличу.
Мне в бездонном два круглые светят щита.

СКАЗКА.

1.

„Дзинь!“ колокольчик — „Дзинь!“ перепевный.
„Дзинь!“ я царевичь — „Дзинь!“ пред царевной.
Ландыш белый так качался,
Пред фиалкой расцвечался,
С духом сладкий дух встречался,
Наклонялся к нежной, к ней,
К чаше синей сонм огней.

2.

„Дзинь!“ колокольчик— „Дзинь!“ светлозвонный.
 Над кувшинкой,
 Так росинкой,
 Серебринкой,
 Веял ветер благовонный.
 По листве дробился луч.
 В дно пруда пробился ключ.
 Там во влаге бился жгутик,
 Без конца.
 Малый жгутик, незаметный для гиганта плавуница
 Тонкий жгутик
 В два конца.
 Вдоль по берегу лышали золотистые сердца.—
 Лютик.

3.

„Дзинь!“ „колокольчик“— „Дзинь!“ бесконечный.
 В поле и в боре, в дали заречной,
 Там, где просторы, там где уклоны,
 Шорохи, лепеты, шопоты, звоны.
 Красен я. Ясен ты. Все мы цветы.
 Кто полноцветный? Я или ты?
 Кто сладкозвоннее? Ты или я?
 Все благовонны мы в час бытия.
 Все мы влюбленные возле пруда.
 Солнце нам, воздух нам, ил и вода.

4.

День полночасен
 В цветеныи цветов.
 Если ты красен,
 К костру я готов.
 Если, душистый,
 Ты солнечно-злат,
 Я, золотистый,
 С тобою быть рад.
 Если ты грустный
 Глядишь на межу,
 Грезой изустной
 Тебя освежу,
 Поворожу.
 „Дзинь!“
 Если ты синь,—
 Пусть,
 Кинь
 Грусть,
 „Дзинь!“

Паутинку
 О былинку
 Зацепил паук.
 От былинки
 До былинки
 В свете пляшут три пылники.
 Не на них глядит паук.
 В верхнем небе, туча к туче,
 С двух сторон скрепляя кручи,
 Сонмы вытянули рук,
 Теневые растущих рук.
 Не на них глядит паук.
 Обвенчал он две травинки,
 Заалмазил паутинки.
 Будет ждать,
 Воздух ткать,
 Здесь вам, мухи, пролетать.
 Выше нить, паук, закинь.
 Жди на круге. „Дзинь!“

5.

А под вечер, просыпаясь,
На березке чуть качаясь,
Из ветвей которой детям
Изготовлен будет лук,
Майский жук
Перед радостью раденья
В теле слышит голос пенья,
В скрепе крыльев зреет звук.
Хороводно вются звоны,
Здравствуй лес и час зеленый,
Хоровод
Поплынет.
С хотью хоть — звено и звенья
Упоительно томленье,
Через пенье и круженье
До любовного пронзенья,
В чащъ лиственых сияньи
„Дзинь!“

6.

„Дзинь!“ колокольчик — „Дзинь!“ перепевный
„Дзинь!“ Я царевич — „Дзинь!“ пред царевной.
Нежно березы
Пахнут, цветут.
Свежие грозы
В высях и тут.
Гром —
Голос певучий высоких хором.
Молния — речь
Огненно радостных встреч.
Молнии с молнией любо вдвоем.
Так мы и здесь все поем.

7.

„Дзинь!“ колокольчик — „Дзинь!“ бесконечный.
В песне сердечной час подвенечный

Только любя

Знаешь себя,

Зренья, прозрения миг быстротечный
Всяк, кто живой не отринь.

„Дзинь!“

Все, что живое, в под'итии — вдвое,
Нежно ярмо освежив вековое,
Птица·ли, рыба·ли, мошка·ли, зверь,
Страстью вливают всю древность теперь
Море так создано нам голубое.
Равны в просторах бесмертных пустынь
Тигры и Лани и лягушки и линь.

„Дзинь!“

~~✓~~ ~~✓~~ ✓ 26569 - 44
2010г.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Оконце	7
Зеркало	11
Встреча	17
Невеста	22
Змей	29
Воздушный остров	44
Сказка	51